

«МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1921–1925 ГГ.)

Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные и узловые вопросы советско-китайских отношений, связанных с оформлением правового статуса Монголии, который получил название «монгольского вопроса». «Монгольский вопрос» был камнем преткновения в советско-китайских отношениях, поскольку де-юре Монголия была частью Китайской республики, а де-факто обладала всеми чертами независимого государства. Решение «монгольского вопроса» лежало в плоскости революционно-идеологического и дипломатического характера, где Монголии уделялось важное место как транзитного коридора в продвижении идей мировой революции на Восток, оказания военной помощи народно-революционным силам как Китая, так и Монголии. Особое внимание уделено анализу эволюции советско-китайских отношений, сопровождавшихся сложными дипломатическими переговорами Китая и Советской России, борьбой между коминтерновскими и внешнеполитическими структурами. Анализ научной литературы и источников показал, что в транснациональной истории «монгольский вопрос» представлял собой сложное явление, характеризовавшееся комплексом как внутренних, так и внешних факторов, включавших в себя взаимоотношения между Советской Россией и Китаем на революционно-классовом и дипломатическом уровнях, а также собственных идей Монголии в борьбе за государственную независимость.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, «монгольский вопрос», Коминтерн, «буфер», Китай, Советская Россия, автономия.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1)

Для цитирования: Батунаев Э.В. «Монгольский вопрос» в советско-китайских отношениях (1921–1925 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 57–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-57-61>

Research Article

THE «MONGOLIAN QUESTION» IN SOVIET-CHINESE RELATIONS (1921–1925)

Eduard V. Batunaev, candidate of Historical Sciences, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>.

Abstract. The article deals with the problematic and key issues of Soviet-Chinese relations related to the formalization of the legal status of Mongolia, which was called the “Mongolian question”. The “Mongolian question” was a stumbling block in Soviet-Chinese relations, since de jure Mongolia was part of the Republic of China, and de facto it had all the features of an independent state. The solution of the “Mongolian question” lay in the plane of a revolutionary ideological and diplomatic nature, where Mongolia was given an important place as a transit corridor in promoting the ideas of the world revolution to the East, providing military assistance to the people’s revolutionary forces of both China and Mongolia. Particular attention is paid to the analysis of the evolution of Soviet-Chinese relations, accompanied by complex diplomatic negotiations between China and Soviet Russia, the struggle between the Comintern and foreign policy structures. Analysis of scientific literature and sources showed that in transnational history the “Mongolian question” was a complex and multifactorial phenomenon, which included a complex of both internal and external factors, including the relationship between Soviet Russia and China, at the revolutionary class and diplomatic levels, as well as Mongolia’s own ideas in the struggle for state independence.

Keywords: Soviet-Chinese relations, “Mongolian question”, Comintern, “buffer”, China, Soviet Russia, autonomy.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of a state assignment (project «Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states», № 121031000241-1).

For citation: Batunaev E.V. The «Mongolian Question» in Soviet-Chinese Relations (1921–1925). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 57–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-57-61>

В отечественной исторической науке различные аспекты советско-китайских отношений в рассматриваемый период освещены в трудах Е.А. Белова, С.Г. Лузянина, С.К. Рощина, С.Л. Кузьмина, В.Г. Дачышена и др. Отдельные аспекты советско-китайских отношений и проблемы независимого статуса Монголии рассматривались в работах зарубежных исследователей: Ч. Бодуэна, О. Латтимора, К. Этвуда, О. Батсайхана, Ц. Бабаяра.

В 1911 г., после Синьхайской революции, Монголия, входившая в состав Цинской империи, взяла курс на отделение и создание самостоятельного государства. Джебцун-Дамба-хутухта – духовный лидер и глава буддийской церкви – был провозглашен теократическим монархом Монголии. Монголы в поиске поддержки в отстаивании независимости обратились за помощью к России. В тех исторических условиях Россия, имевшая свои непосредственные геополитические интересы в Монголии, оказала дипломатическую поддержку монголам и взяла на себя роль посредника в решении так называемого «монгольского вопроса», включавшего в себя комплекс вопросов геополитического, военного, экономического характера, касающихся определения статуса Монголии. Для России Монголия имела большое значение в военно-политическом, торгово-экономическом, культурном отношении, а также играла роль своеобразного «буфера» в потенциальной агрессии с востока. Тем самым «монгольский вопрос» для царской, а затем Советской России оставался одним из приоритетных направлений в первой половине XX в.

После Синьхайской революции 1911 г. внешнеполитический курс Китая был направлен на сохранение всех ранее входивших территорий Цинской империи в своем составе. Необходимо отметить еще одного актора в лице Японии, оказывавшей серьезное влияние на геополитическую ситуацию в регионе. Русско-японские соглашения 1907–1910 гг. четко обозначили сферы влияния: Внешнюю Монголию и Северную Маньчжурию – за Россией, а Внутреннюю Монголию и Корею – за Японией.

В рамках реализации внешнеполитического курса Россия подписала серию договоров с Монголией и Китаем (1912 г., 1913 г., 1915 г.). В результате был официально закреплен юридический статус Монголии, который определялся как широкая автономия в составе Китая. Это стало возможным во многом благодаря усилиям российских дипломатов, прежде всего И.Я. Коростовца, сумевших в непростых условиях добиться подписания русско-монгольского договора, по которому Монголия «де-факто» стала независимым государством. Все же международная ситуация, складывавшаяся вокруг Внешней Монголии после Кяхты, характеризовалась жестким противоборством между Китаем и Россией по всем

направлениям – экономическому, политическому, дипломатическому. Революционные события привели к ослаблению позиций России в Монголии, а в дальнейшем – к окончательному слому «кяхтинской системы», служившему гарантом сохранения монгольской государственности.

Под влиянием октябрьских событий 1917 г. и Гражданской войны в России в Монголии начинают создаваться первые революционные кружки и активно развиваться национально-освободительное движение [История МНР: 304]. Монгольские революционеры обратились за помощью к Советской России, поскольку эта была единственная страна, которая могла реально помочь в сохранении независимости. Реализуя планы по продвижению революционных идей на Восток, Коминтерн усилил свою деятельность в Монголии, используя ее территорию в качестве коридора для развития национально-освободительного движения и поддержки китайской революции¹.

Воспользовавшись сложным положением северного соседа, Китай в 1919 г. аннулировал автономию Внешней Монголии, вопреки ранее подписанному соглашению. Китайские войска во главе с генералом Сюй Шучжэном заняли Ургу и выдвинули требования, состоявшие из «64 пунктов», главным из которых была ликвидация автономии.

В 1919 г. военно-политическая ситуация вокруг Внешней Монголии ввиду восстановления над ней сюзеренитета Китая, устранения Омского правительства, усиления японского влияния заставила Советскую Россию и Коминтерн серьезно скорректировать свои позиции в Монголии. В декабре 1919 г. в одном из циркуляров Восточного отдела ИККИ (Коминтерна) говорилось: «В настоящее время, когда Внешняя Монголия утратила свою автономию и превратилась в китайскую провинцию, необходимо выяснить значение этого события для Российской Республики... возрождение Барги, Внутренней Монголии создало бы для России государственный буфер, простирающийся с запада на восток на 3,5 тыс. верст, который в случае осложнений с Китаем не позволит последнему быстро перебросить войска к русской границе» [Лузянин: 102]. Наоборот, колониальное положение Монголии выгодно Китаю, то есть с русской точки зрения нам следует принять меры к возрождению автономии Монголии. В этом смысле коминтерновское руководство исходило из необходимости обеспечения безопасности дальневосточных рубежей в случае войны с китайскими милитаристами, а в дальнейшем и японской угрозой.

Во внешнеполитическом плане период после 1921 г. характеризуется явной неопределенностью в международно-правовом статусе Монгольского государства. Новое правительство провозгласило отде-

ление от Китая, независимость от Китая, но независимость никем не была признана, даже, юридически, Советской Россией. Де-юре Монголия оставалась частью Китайской Республики, но де-факто приобретало черты независимого суверенного государства [Рошин: 79].

Период с 1921 по 1925 г. характеризуется острой дипломатической борьбой между Советской Россией и Китаем по внешнеполитическому статусу Монголии. В июне 1920 г. в Пекин была направлена миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным с целью установления официальных экономических и дипломатических отношений между Китаем и ДВР. В это период, когда Внешняя Монголия еще находилась под властью Китая (аньфуистский режим), а Коминтерн приступил к разработке там революционных операций², «монгольский вопрос» в дипломатическом плане еще не стоял так остро, поэтому в ходе переговоров с И.Л. Юриным он официально не затрагивался [Лузянин: 130]. Этот вопрос стал одним из основных во время советско-китайских переговоров, которые вели в Пекине советские дипломатические представители А.К. Пайкес, А.А. Иоффе, Л.М. Карахан. Официальный Китай настаивал на том, что Монголия остается частью Китая, об отделении не может быть и речи, теперь нет возврата и к кяхтинским договоренностям 1915 г. (широкая автономия Монголии под сюзеренитетом Китая), необходим вывод советских войск и восстановление китайского сюзеренитета на монгольской территории.

Советское правительство, ссылаясь на изменения в Монголии, произошедшие в 1921 г. и намекая на особые отношения России с Монголией, вытекавшие из тройственного Кяхтинского соглашения, стремилось, по крайней мере, добиться от Китая широкой автономии. Оно отрицало какое-либо вмешательство во внутренние дела Китая, поясняя, что советские войска введены в Монголию для совместных действий против русских белогвардейцев и будут выведены в согласованные сроки, настаивало на участии в переговорах монгольских представителей. В то же время надо сказать, что позиция советской стороны не была неизменной. Со второй половины 1922 г. миссия А.А. Иоффе, затем Л.М. Карахана все более обозначали крен в пользу компромисса, уступок китайской стороне вплоть до формального отказа от Монголии [Рошин: 103].

В советских дипломатических кругах считали, что приоритет в советской дальневосточной политике все-таки должен принадлежать Китаю, что назрела необходимость урегулировать отношения с ним, решения накопившихся спорных проблем, а «монгольский вопрос» препятствует этому. И другой важнейший момент: интересы мировой революции. Считалось, что отделение Монголии тормозит развитие

общекитайского революционного процесса. В конце концов советское руководство согласилось с этими доводами, но сделало это, судя по всему, чисто внешне, тщательно рассчитав дальнейшие действия [Рошин: 104].

«Монгольский вопрос» вылился в острую внутриполитическую дискуссию накануне подписания советско-монгольского соглашения 1921 г. В связи с этим были проведены заседания комиссий в рамках Исполкома Коминтерна и Народного комиссариата иностранных дел (далее – НКВД) для обсуждения этой проблемы. Положительному исходу подписания советско-монгольского соглашения сопутствовала геополитическая ситуация в дальневосточном регионе в лице «японского фактора». Монголия представляла собой крупный «козырь» и опрокинула планы в создании контрреволюционного фронта от Тихого океана до Каспийского моря, поскольку границы оказались прикрыты дружественной Монголией.

Неопределенность статуса Монголии в советско-китайских отношениях, возросшая после июньских событий 1921 г., вызвала острую борьбу в советском руководстве по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки монгольского правительства и заключения с ним соглашения. С точки зрения геополитических и революционных задач для Советской России необходимо было закрепить достигнутые результаты революции 1921 г. официальным признанием монгольской народной власти. Однако в плане задач, стоявших перед советской дипломатией в Китае, это соглашение было крайне невыгодно, так как оно могло осложнить и без того запутанную проблему установления официальных отношений с пекинским правительством [Лузянин: 118].

Кроме того, советское и коминтерновское руководство при рассмотрении «монгольского вопроса», несмотря на видимые стратегические перспективы, принимало во внимание и условия революционной целесообразности. Вследствие этого уже на этом этапе Коминтерн рекомендовал использовать в Монголии: 1) панмонголизм как основу для революционирования монгольских народов, которое привело бы к объединению и росту национального самосознания монголов; 2) объединение всех слоев населения Монголии под лозунгами борьбы против китайского империализма. Что касается тактики классовой борьбы между различными слоями монгольского общества и создания советских органов, Коминтерн считал это несвоевременным в данной ситуации [Лузянин: 89].

Для реализации своих задач в деле распространения мировой революции Коминтерн способствовал панмонгольским планам с целью вовлечения монгольских народов Внутренней Монголии Китая в единое революционное движение. Ввиду этого

укреплялись связи по линии Коминтерна с Народно-революционной партией Внутренней Монголии (далее – НРП ВМ) в оказании идеологической, организационной, военной, материальной и другой помощи. Об участии Коминтерна в революционной работе во Внутренней Монголии свидетельствуют телеграммы Г.Н. Войтинского Ф.Ф. Петрову о создании бюро Внутренней Монголии из представителей китайской компартии, Гоминьдана и Нарреволюционной Внутренней и Внешней Монголии под руководством представителя Коминтерна [Монголия в документах: 151–152]. По сведениям Б.Д. Цыбенова, Коминтерн участвовал в создании НРП ВМ, активными членами которой были молодые дауры – Мерсэ, Фуминтай [Цыбенов: 343, Atwood: 500]. В этой связи отметим положительные результаты визита монгольской делегации во главе с А. Амаром в Китай по приглашению известного генерала Фын Юйсяна³, командующего 1-й национальной армией. Переговоры состоялись в Калгане в апреле – мае 1925 г. [Батбаяр: 146]. В них были заинтересованы обе стороны. Фын Юйсян, в частности, нуждался в оружии и боеприпасах, которые мог получить из Советского Союза, но с транспортировкой через Монголию. Монгольская делегация стремилась установить контакт с влиятельным либеральным генералом, выяснить его намерения, заручиться возможной поддержкой. Сам факт приглашения свидетельствовал о сдвигах в китайском общественном мнении о частичном признании монгольского правительства видным китайским деятелем.

По просьбе Г.В. Чичерина Т. Рыскулов⁴ участвовал в переговорах монгольской делегации. Он поехал инкогнито, под именем Касыгбай, в качестве представителя монгольских казахов и изображал, по его словам, «пассивного худонского делегата». Прояснились позиции сторон по многим конкретным вопросам, достигнута договоренность о создании совместной автотранспортной компании, состоялся взаимный обмен письмами. Делегация побывала также в Пекине, где прошли беседы с советским полпредом Л.М. Караханом, с представителями ЦИК Гоминьдана [Рощин: 111]. Если исходить из сугубо стратегических соображений, Китай был противником Советской России, поскольку последняя поддерживала монгольских революционеров, отстаивающих свою независимость. Но чисто тактически Советская Россия для Китая выступала в роли союзника в борьбе за Монголию со старой Россией [Лузянин: 89].

В итоге длительных и трудных переговоров 31 мая 1924 г. состоялось подписание советско-китайского соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой. В статье 5-й соглашения говорилось: «Правительство СССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает

суверенитет Китая [Советско-китайские: 86]. Иначе говоря, после подписания советско-китайского соглашения фактически ничего не изменилось – Монголия оставалась вне Китая, укрепляла свой суверенитет, Советский Союз также наращивал там свое присутствие по всем линиям.

Однако, наш взгляд, происходившие вокруг Монголии 1924–1925 гг. событие отражает по большому счету тот факт, что для Советского Союза, наряду с главной стратегической целью в дальневосточном регионе – урегулирование отношений, содействие китайской революции, – существовала и другая цель: по возможности сохранить и упрочить достижения монгольской революции, усилить советское влияние на монгольской территории. Конечно же, можно, с одной стороны, заподозрить СССР в двойной игре: с одной стороны, в использовании Монголии в качестве «разменной монеты» в советско-монгольских отношениях, но, с другой стороны, статус-кво Монголии не изменился, последняя продолжала де-факто сохранять свою независимость от Китая, была принята новая конституция МНР. В начале 1925 г. Г.В. Чичерин дал следующее разъяснение по поводу признания Советским Союзом Монголии частью Китайской Республики, обладающей широкой автономией, на основании коей Китай не вмешивается в ее внутренние дела и установленные независимые внешние связи, то есть формально – автономия, фактически – независимость.

Тем не менее новые веяния из Пекина и Москвы вызывали скрытое раздражение монгольских руководителей – премьер-министра Б. Цэрэндоржа, министра иностранных дел А. Амара и др. Установки советских руководителей на свертывание антикитайских лозунгов и автономию Внешней Монголии противоречили всем предыдущим высказываниям советских и монгольских лидеров монгольской независимости от Китая.

Таким образом, 1924–1925 гг. знаменательны тем, что приоритеты советской политики в регионе вполне прояснены всесторонним урегулированием отношений с Китаем, всемерным содействием китайской революции и т. д. В то же время наблюдается решительная поддержка реальной независимости Монголии от Китая, причем с таким расчетом, чтобы отделение Монголии не мешало китайской революции, а наоборот, помогало ей. Особенно удручало монгольскую сторону негативное отношение Советской России и Коминтерна к проблеме объединения монгольских племен, к панмонгольскому движению, которое, как считалось, угрожало единству, целостности китайской революции. «Монгольский вопрос» тесно переплетался с проблемными вопросами революционно-идеологического и дипломатического характера, влиянием внутривосточного фактора,

рассматривался в рамках продвижения революционных идей на Восток, с борьбой самих монголов за независимость и объединение в единое государство.

Примечания

¹ АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 2. П. 101а. Д. 1. Л. 10.

² АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 2. П. 101. Д. 8810. Л. 64.

³ Фын Юйсян (1880–1948), китайский генерал и маршал, в 1920-х г. действовал в Северном Китае, воевал при поддержке СССР и МНР против Чжан Цзолина. Из СССР через МНР ему поставлялось оружие и боеприпасы. В 1926 г. посетил СССР, вступил в Гоминьдан. В 1928 г. – председатель политсовета ЦК Гоминьдан. Погиб в результате несчастного случая.

⁴ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1938), член РСДРП(б) с 1917 г., в 1919–1920 гг. – председатель ЦИК Туркестанской АССР, зам. наркома по делам национальностей РСФСР (1921–1922 гг.), уполномоченный ИККИ в МНР в 1924–1925 г., зам. заведующего Восточным отделом ИККИ в 1924–1925 гг., зам. председателя СНК РСФСР в 1926–1937 гг. Расстрелян 10 февраля, реабилитирован 8 декабря 1956 г.

Список литературы

Батбаяр Ц. О поездке министра А. Амара в Китай в 1925 году: забытая страница монгольской дипломатии // Восьмые востоковедные чтения БГУ. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 145–156.

История Монгольской Народной Республики: монография. Москва: Наука, 1983. 601 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. Москва: Огни, 2003. 319 с.

Роцин С.К. Политическая история Монголии: (1921–1940). Москва: ИВ РАН, 1999. 325 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1: (1919–1929). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Ч. 1. Москва: Граница, 2019. 359 с.

Советско-китайские отношения, 1917–1957. Москва: Изд-во вост. лит., 1959. 467 с.

Цыбенков Б.Д. Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2022. 500 с.

Atwood C.P. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911-1931. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2002, 1168 p.

References

Batbaiar Ts. *O poezdke ministra A. Amara v Kitai v 1925 godu: zabytaia stranitsa mongol'skoi diplomatii* [On the trip of Minister A. Amar to China in 1925: a forgotten page of Mongolian diplomacy]. *Vos'mye vostochnye chteniia* [Eighth Oriental Readings]. Irkutsk, BGU Publ., 2017, pp. 145-156. (In Russ.)

Istoriia Mongol'skoi Narodnoi Respubliki: monografiia [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 601 p. (In Russ.)

Luzianin S.G. *Rossia – Mongoliia – Kitai v pervoi polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniia v 1911–1946 gg.* [Russia - Mongolia - China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946]. Moscow, Ogni Publ., 2003, 319 p. (In Russ.)

Mongoliia v dokumentakh Kominterna (1919-1934) [Mongolia in the documents of the Comintern (1919-1934)]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2012, 527 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. *Politicheskaia istoriia Mongolii: (1921-1940)* [Political history of Mongolia]. Moscow, IV RAN Publ., 1999, 325 p. (In Russ.)

Rossiisko-Mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911-1946) [Russian-Mongolian military cooperation (1911-1946)]. Moscow, Granitsa Publ., 2019, 359 p. (In Russ.)

Sovetsko-kitaiskie otnosheniia, 1917-1957 [Soviet-Chinese relations, 1917-1957]. Moscow, Izd-vo vost. lit. Publ., 1959, 467 p. (In Russ.)

Tsybenov B.D. *Sotsial'no-politicheskaia istoriia daurov (XX v.)*. [Socio-political history of the Daurians (XX century)]. Ulan-Ude, Izd-vo BGU Publ., 2022, 500 p. (In Russ.)

Atwood C.P. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911-1931. Leiden, Boston, Köln, Brill Publ., 2002, 1168 p.

Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.